

Natalia Aksenova: Марина Ахмедова — единственный репортажник, пишущий об Украине так, как завещано это делать уважающему себя профессиональному репортажнику: так, что читатель не понимает, где «свои», а где «чужие». Так, что читатель начинает сомневаться, что есть «правые» и «неправые». Так, что читатель вместе с автором начинает чувствовать и ощущать персонажей репортажа не Героями и Врагами, а героями одной нашей общей грустной истории.

Елена Черных: Ахмедова — единственный журналист, который не забывает, что главное в этой (и любой другой) войне — это люди. Те люди, которые стреляют, те, которые бегут, погибают, любят, боятся, хоронят детей, надевают бронежилеты, гладят собак. В ее репортажах люди живые. Все. И неважно, по какую сторону баррикад они это делают. Ее люди — настоящие.

Slava Lagutkin: Все эти тексты ровно и одинаково пронизывает нелицеприятная, внимательная и почти бесстрастная любовь, не ищущая корыстно шкурного своего, но честно изгоняющая липкий страх, проходя как свет во тьме сквозь боль, зло и смерть...

Anton Zhebrauskas: Обычно мы оцениваем журналистов как «своих» или «чужих». Я не знаю, куда отнести Марину Ахмедову. Она «другая».

Елена Семененко: Не вспомню названия репортажа, но одна деталь в нем меня просто поразила — в больнице клятва Гиппократы выполнялась одинаково при спасении всех раненых. Но бойцу с «той стороны» медсестрички наотрез отказались мыть ноги, потому что он «топтал» ими их родную землю. Когда автор находит столь выразительные детали, проникаешься доверием к его словам, суждениям.

Владимир Петровский: Репортажи Марины Ахмедовой — живые! Не только слышишь, но и видишь ее героев, невольно становишься не просто свидетелем, а как бы участником описываемых событий. Ничего лишнего, все четко, лаконично, все работает на цель. Замечательный подбор очень выразительных деталей, которые придают картине убедительное правдоподобие. Деталь ведь нельзя выдумать. В каждом ее предложении чувствуется ответственность, серьезность и яркий талант.

Дмитрий Никитинский: Люди рассказывают Ахмедовой такое, чего не говорят больше никому и никогда. Видимо, она ведьма.

МАРИНА АХМЕДОВА
УРОКИ
УКРАИНСКОГО
от Майдана до Востока

АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А 95

Оформление *Ксении Щербаковой*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Ахмедова, Марина.

А 95 Уроки украинского : от Майдана до Востока / Мари-
на Ахмедова. — Москва : АСТ, 2015. — 352 с.

ISBN 978-5-17-088513-8

«Первый репортаж с главной площади Украины — майдана Незалежности — я написала в начале года. Тогда я еще и предположить не могла, что на юго-востоке начнется война и я буду совершать регулярные поездки в обстреливаемый Донецк, знакомиться с людьми, выслушивать и записывать десятки историй о великом героизме и великом предательстве. И что в конце концов я буду держать в руках книгу, в текстах которой некоторые люди еще живы, а в реальности — уже мертвы. Убиты.

А для тех, кто всего этого не слышал и не видел, пусть этот сборник станет документальным и материальным свидетельством того, что все это происходит здесь и сейчас. И все это, к сожалению, — наша реальность».

Марина Ахмедова

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-088513-8

© Ахмедова М.
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

От автора

ПЕРВЫЙ репортаж из этого сборника я написала в начале года — с главной площади Украины — Майдана незалежности. В первую поездку я провела там несколько недель. Жила в гостинице «Украина», которая стоит практически на Майдане, а окна моего номера выходили прямо на его сцену. Майдан никогда не спал — даже ночью. Днем со сцены звучали речи политиков, общественных деятелей, простых граждан, пожелавших взять слово. А ночью оттуда доносилось пение греко-католических священников. Я уехала во Львовскую область. Встречалась с людьми в деревнях там. Писала новые репортажи. Вернулась на Майдан и осталась там примерно еще на месяц.

Заговорили о референдуме в Крыму. Весть об этом меня застала в палатке афганцев — ветеранов войны в Афганистане. Тогда советские офицеры, они сражались бок о бок с русскими. Тогда у русских и украинцев была одна родина. Но сейчас, и в тот день это хорошо чувствовалось, ненависть готова была пролиться. Там, в палатке, мне говорили, что я — представитель вражеского государства-оккупанта и что, пока они сидят и мирно беседуют со мной, наши российские танки давят их землю. Все эти разговоры казались мне несерьезными — я видела перед собой людей, говорящих со мной по-русски и ничем не отличимых от русских ветеранов. В серьезность происходящего я не верила даже тогда, когда, выйдя из той палатки, попала в серый день, близившийся уже к вечеру. В воздухе стояла морось, и, наверное, если бы кто-то смотрел на Майдан в тот момент сверху, он бы увидел только

серый туман, из которого вырисовывается сцена, деревянная елка, завешанная постерами, колонна со статуей, держащей золотую ветвь, палатки и костры, горящие и ночью, и днем. Над Майданом стояла тревожная тишина. Сотни людей скопились у сцены. И, наконец, серую тишину прорвал голос какого-то политика, который со сцены призывал к мобилизации, сообщая, что враг уже зашел на их территорию. Но и тогда, по-моему, мало кто верил в войну. Казалось, что в наше время это невозможно. А сейчас, когда я думаю о времени, проведенном мной на Майдане, и о том, как быстро запылал юго-восток, меня по-прежнему не оставляет ощущение нереальности. Отчетливо оно нахлынуло на меня в одну из ночей, когда я расшифровывала записи с диктофона в «Кофе-Хаусе» — единственном круглосуточно работающем кафе на территории Майдана. Когда я вышла оттуда, стояла глубокая ночь. Священник тихо пел со сцены. Костры дымились. В палатках спали люди, а некоторые грелись у костров и тихо переговаривались между собой. Вся территория Майдана была укрыта срезанными цветами, сквозь стебли которых виднелись лица с фотографий «Небесной сотни» — тех, кто погиб две недели назад от пуль снайперов. Цветы быстро замерзли на морозе, и их укрывали слоем свежих. И так — каждый день. Ворохи их росли. Лежали они так плотно, что между ними оставались лишь узкие дорожки для пешеходов. Я бежала из кафе в гостиницу. Мне нужно было перебежать дорогу, уставленную покрышками, дальше двигаться по узкому проходу между палатками, оттуда вверх — до гостиницы. Возле палаток я остановилась и обернулась на сцену. Сверху сгушался уже туман, внизу — горели свечи. И я спросила себя — что я тут делаю, и не сошла ли я с ума, находясь тут. Мне казалось, что я выпала из своей реальности и теперь нахожусь в реальности чужой, в том месте, которого не должно быть. Это чувство быстро оставило меня, и я побежала дальше. Но теперь я часто вспоминаю тот момент той ночью, когда я

застыла на Майдане, не понимая — где я. Когда я еще и предположить не могла, что на юго-востоке начнется война, и я буду совершать регулярные поездки в обстреливаемый Донецк, напишу такое количество репортажей, что их можно будет собрать в целую книгу. Что я буду приезжать, знакомиться с людьми, писать о них, а, возвращаясь, не заставлять их в живых. И что, в конце концов, я буду держать в руках сборник, в текстах которого некоторые люди еще живы, а в реальности — уже мертвы. Убиты. И мне кажется, что это место и тот миг, в котором я застыла однажды ночью на Майдане, существует и сейчас — в какой-то другой реальности. Но где-то рядом. И если найти туда ход, вернуться туда и сделать что-нибудь, то что-то в пространстве переключится, и все пойдет по-другому. Не будет ненужной войны на юго-востоке. Не будет тысячи смертей. Я никогда не увижу оторванных конечностей. Не увижу тела погибших с той и с этой стороны. Не узнаю, что когда снаряд выпущен далеко, то до тебя доносится глухой звук, а когда близко — снаряд свистит. Что гражданских (а слово это чаще всего расшифровывается так — женщины, старики, дети) «срезает» потому, что их никто не учил падать в землю. И они стоят, задрав голову на свист, не шевелясь от страха... Я не увижу разбитый Луганск. Мне не придется выслушать и записать десятки историй о великом геройстве и великом предательстве.

А для тех, кто всего этого не слышал и не видел, пусть этот сборник станет документальным и материальным свидетельством того, что все это происходит здесь и сейчас. И все это, к сожалению, — наша реальность.

Майдан умеет ждать

Что сказали корреспонденту «РР» активисты протеста, когда слышали новости из Крыма

Под Львовскими вратами горит бочка. Огонь выглядывает из дырок на ее боках, поднимается из жерла, освещая арматуру моста и большой желтый циферблат, украшающий земляную насыпь. Его стрелка остановилась на половине первого. Под мостом вокруг бочки рядами сложены закопченные мешки. Мужчины в военизированной одежде курят, сидя на бревнах.

— У НАС работы нет, — говорит один из них, человек лет пятидесяти по имени Богдан. — Люди в основном уехали за границу, там пытаются заработать. А если на родном месте все же найдешь работу, то зарплата копеечная. Семью свою ты прокормить не можешь. Вы понимаете вообще, что такое усталость от труда?

К бочке подходит темная фигура. Подливает в огонь из бутылки коктейль Молотова. Огонь вспыхивает и поднимается.

— Вы стояли именно за тех, кто сейчас пришел к власти? — спрашиваю я их.

— Нет, мы не за них стояли, — отвечает Богдан. — Мы стояли за то, чтоб работала система ответственности и наказания. Украл? Сиди. Чтоб сидели и тупо считали: это туда потратили, это сюда, а это — это куда? А ну-ка, отчитайся! — манит он черным от копоти пальцем воображаемого коррупционера из темноты. — Когда уже законо-

дательство будет нормальное, мы разойдемся. Вы думаете, мы разойтись не хотим? Тяжело тут морально. Вот прямо на вашем месте, где вы сидите, позавчера мертвый лежал. На этом месте еще есть коридор, по которому смерть за ним пришла. Коридор еще не закрыт — знайте, где вы сидите.

Богдан горбит спину. Он невысокий и коренастый, с затаенной обидой в голубых глазах. В спину ему смотрит сгоревший Дом профсоюзов. Из труб многочисленных палаток поднимается дым, и кажется, что почерневший остов дома по-прежнему горит. На дорожках со снятой брусчаткой, на пригорках и бордюрах шеренги цветов. Мигают огни поминальных свечей.

— А зачем вы теперь Крым и Харьков против нас на-строили? — поморгав на огонь, спрашивает меня тот, кто лил в бочку коктейль. — Рассказали у себя в России, что мы тут бандюки, террористы, бандеровцы. Кстати, вы нас не боитесь? Вы же сейчас у львовских бандеровцев в самом логове, можно сказать, сидите.

Все снова умолкают и смотрят на огонь. Со сцены, над которой горит зеленый глаз прожектора, шарящий по всему Майдану, слышны призывы: «Путина геть!», «России позор!».

— Россия перша нас не любит, — говорит один из мужчин.

— Ужасно обидно все это слышать, — отзываюсь я.

— А нам не обидно? — заводятся они. — А что, неправда? А я три роци в Москве робил прекрасно! И ничего! А теперь шо? Война!

— Давайте так, — произносит Богдан. — Мне, например, тоже обидно, когда мне говорят, что я русских не люблю. — Он затаптывает ногой окурок. — Это все ложь. Русские наши самые близкие братья. Чего я русского буду не любить, когда я сам такой же? Просто мы хотим получать нормальные деньги за свой труд. Мы не хотим в Европу, мы хотим, чтобы здесь было как в Европе.

Богдан поднимает плечи, в его глазах отражается огонь. Через час этот львовский наряд сменит другой, выспавшийся, Богдан уснет в палатке, но огонь из его глаз не уйдет, явится ему во сне.

— Рано или поздно Майдан закончится, — говорю я. — Вы вернетесь домой. Попытайтесь найти работу и не сможете. Вам снова будет не на что кормить свою семью.

— Да, я вернусь домой, и у меня снова не будет работы, — отвечает Богдан. — Я снова пойду на огород копать грядки, сажать картошку. Но! Они больше никогда так не смогут! Потому что будут знать: чуть что, вылетят к чертовой матери!

* * *

В Украинском доме импровизированный буфет. За стойкой бесплатно выдают чай с сахаром, кофе, ломтики батона с маслом, вареньем или медом. Люди берут пластиковые стаканчики и бутерброды, едят стоя или рассаживаются за круглые столы.

— Я занимаюсь популяризацией здорового питания, — говорит Павел. — У нас много фальсифицированных продуктов продается в магазинах. У меня был свой цех небольшой по сыру, его накрыли и, соответственно, закрыли. Сейчас я продвигаю на киевском рынке масло, сыр сулугуни и сгущенку из Винницы.

— А сгущенка — это тоже здоровое питание?

— Если сделана по правилам: молоко, сахар, лактоза, — со знанием дела отвечает он.

За этими разговорами о масле и сгущенке мы выходим из дома и встречаем колонну, которая тянется до Институтской. Над ней реют украинские флаги.

— Небесной сотне! — доносится мужской выкрик.

— Слава! Слава! Слава! — хором отзываются голова и середина колонны.

Несколько секунд в свете фонарей она движется к Майдану молча. Бока ее прикрывают люди в камуфляже. Время от времени они оборачивают в мою сторону лица в масках. Слышно, как ветер полощет в воздухе флаги. Колонна вздрагивает выкриками: «Украина понад усе!», «Смерть врагам!», «Смерть врагам!»

Посреди Майдана стоит огромный металлический каркас, который должен был стать новогодней елкой. Сейчас он украшен флагами Украины и Евросоюза и постерами, на которых изредка мелькает лицо Путина. Мимо елки ведут человека в расстегнутой куртке. Его руки замотаны скотчем за спиной. Конвоиры — люди в камуфляже и масках. Один из них, с бородой, по которой проходят две седые полосы, несильно толкает связанного в спину. Тот спотыкается. У него остекленевшие глаза навывкате. И хотя они выкатились из орбит только чуть больше положенного, человек, кажется, ничего перед собой не видит. Ноги его дрожат и заплетаются, словно кости в них размякли и перестали держать.

— Куда вы его ведете? — прикосновением руки останавливаю я одного из конвоиров.

— Это титуха. — Он произносит это слово так, словно, услышав его, я должна брезгливо отступить подальше. — Мы его поймали.

— Какая разница кто? Я хочу ему помочь. Я могу ему помочь?

— Нет конечно.

— Вы будете его бить?

— Нет конечно. Просто сейчас проведем по Майдану.

— Это показательное, — говорит взрослый конвоир с бородой. — Чтобы все его лицо видели. Так мы поступаем и с ворами, и с провокаторами.

— Это не показательное, это средневековое, — говорю я, пока связанный стоит ко мне спиной и мелко трясет головой. Все это время я держу конвоира за рукав.

— А когда «Беркут» впятером одного? — спрашивает он.

— Но если «Беркут» так плох, зачем брать пример с худшего? — успеваю спросить я, прежде чем он уходит.

В просторной палатке стоит пряный запах. В чаны ссыпаются мелко нарезанные лимоны, имбирь, сахар-песок. Над чаем колдует лысый человек, как две капли воды похожий на Розенбаума.

— Приехал сюда, когда наших детей избили. У меня двое детей, я не могу позволить, чтобы их били только за то, что они тут сидят и на гитаре играют.

— В тот день, когда снайпер расстреливал людей, вы были на Майдане?

— Да, — он перестает улыбаться. — В тот день тут был ужас. Я никогда не мог подумать, что буду воевать в своей стране. Мы ведь мирные люди. Семеро моих друзей. — Он замолкает, смотрит на меня глазами Розенбаума, из них выкатываются две слезы. Он отбегает в угол палатки, отворачивается и стоит там, среди чанов. В противоположном углу на полке стоит икона бога-отца в треугольном нимбе, как в наполеоновской треуголке.

— Простите, — возвращается из угла успокоившийся двойник Розенбаума. — Когда отец умер, и то слезы не шли, а сейчас плачу.

— У вас на кольце выгравирована птица. Это беркут? — показываю я на его печатку.

— Нет, это чайка, символ свободы. Я надел его, когда из шахты вышел. Там я думал только о том, чтобы обеспечить семью. Шахта — штука опасная. После десяти лет работы человек начинает думать, что он уже все знает, и попадает в травму. Но меня бог миловал. — Теперь он дарит взгляд богу-отцу, по строгому лику которого не понять: это была шутка, когда он создал двух таких похожих людей — этого шахтера и Розенбаума? И над кем он пошутил больше: над шахтером, подарив ему лицо известного певца, но при этом на двадцать два года упрятав под землю,

или над певцом, которого недавно ведущие российские СМИ обвинили в том, что он собственноручно угощал майдановцев борщом?

* * *

За сценой импровизированный шлагбаум, за ним палатки защитного цвета.

— Я к афганцам, — говорю я, и охранник пропускает меня за ограждение.

У палатки, над входом в которую висит серое полотно «Українська Спілка Ветеранів Афганістану», стоит крупный мужчина в черном берете.

— Документы! — останавливает меня он и докладывает, заглядывая в палатку, отодвинув тяжелый полог: — Русская пресса!

— Стойте здесь, ждите! — Это уже ко мне.

Пока я жду, из палатки выходят немолодые люди в камуфляже и среднего возраста мужчины в деловой одежде. Один из них в афганской шапке, похожей на гриб.

— Русская пресса, ты же не хочешь, чтобы тебе голову проломили? — обращается ко мне один из них. — Носи вот это, чтобы тебя никто не тронул. — Он берется за петличку моего пальто и просовывает в нее ленту цвета украинского флага. — Не снимай, — говорит он, завязывая ленту тугим узлом.

— А еще лучше, когда к вам подойдут, скажите сразу: «Слава Украине!», — советует человек в берете.

— Простите, я ее сниму, — под взглядами собравшихся у палатки я отвязываю ленту и возвращаю ее афганцу.

— Какие же вы в России зомбированные! — в сердцах сплевывает он.

— Мне не противно носить символ Украины, но я не хотела бы, во-первых, делать это против своей воли, а во-вторых, я не считаю правильным носить его из страха.

— Смотри. — Афганец в берете подносит к моему лицу руку. На среднем пальце татуировка.

— Свастика, — произношу я.

— Мы ваш Кремль за пять минут возьмем, — говорит он и отворачивается.

Теперь рядом со мной у палатки появляется молодой мужчина в бронежилете. Его руки покрыты черной грязью.

— Где вы испачкались? — спрашиваю я его.

— Я ж водила «Урала»! Тильки что проехал на нем по всему Киеву. У нас же автопарк афганский. Все машины на ходу!

— Сюда попала пуля и сюда, — я дотрагиваюсь до дырок на его бронежилете. — Так?

— Так то двенадцатый калибр. — Он вытирает тыльной стороной ладони нос, искривленный в переносице. У него оттопыренные уши и испачканное мазутом детское лицо. Зовут Андреем. — Я боком стоял, тут рикошетом пошло. А сзади граната рванула. — Он поворачивается спиной и показывает еще одну дырку. — Ты спросишь, зачем мы там были? А зачем мои и твои деды в сорок пятом шли на Берлин?

— Здрасьте! — Подходят две девушки и один высокий мужчина с кустистыми желтыми бровями — кениец. Все втроем они несут картину. Поворачивают ее лицом к афганцам. На желто-зеленом фоне выписано разноцветными буквами: PeaceUkraine.

— А раньше я эков возил, — говорит Андрей. — Это тоже война, только внутренняя. Их много, и они все стоят против тебя. Стараются машину раскатать так, чтобы она перевернулась. А моя задача — не дать ей перевернуться и довезти рецидивистов из пункта А в пункт Б. Знаешь, какая агрессия шла с их стороны?

— А с вашей?

— Со стороны охраны? Тоже была. Агрессия, направ-

ленная не против них, а на то, чтобы приехать домой живым.

— Ты долго будешь на Майдане стоять?

— Пока порядка не будет. Пока не увижу, что президентом стал человек, который тут с нами от начала до конца стоял.

— И кто это?

— Парубий.

За пологом афганской палатки стоит стол, заваленный бумагами, железная подставка с пузырьками, широкий лежак, накрытый одеялами, и скамейка. На ней сидит тот ветеран, что повязывал мне ленту. Я присаживаюсь рядом с ним. Он, обиженный, отворачивается. К карману его куртки со стороны сердца примотан белый пластмассовый крест.

— Крест на мне, потому что я православный! — ворчливо говорит он, заметив, что я его разглядываю. — То святые отцы нам передали. С молитвой защищающей. Вы тут ходите, спрашиваете, долго ли Майдан будет стоять, а мы в Афгане бог знает в каких условиях жили: и в палатках, и в бронетранспортерах, и в боевых машинах пехоты. И те годы, которые я там провел, — чувство локтя товарища, оно сохранилось до сих пор, — громко и членораздельно произносит он, словно уши мои закупорены и он может пропихнуть в них свои слова только частями. — Я этого никак забыть не могу. А мирная жизнь — ни пенсии, ни квартиры. Тут тебя могут и предать, и продать и тэдэ и тэпэ.

— А на войне могут убить, — замечаю я.

— А здесь не могут?! — дергается он. — На войне я знал, что товарищ прикроет мне спину!

— Почему вы на меня кричите?

— Потому что это последствия войны — и ранения, и контузии! И ничем их уже не погасить!

— Чем вы отличаетесь от обычных активистов Майдана?